

ни курия, по которой баллотировался правый политик, ни обстоятельства и причины неудачи.

Иногда исследователь допускает некоторые фактические неточности. Так, по его словам, «чтобы не путать двух депутатов-родственников, по сложившейся думской традиции к их фамилиям были добавлены номера: дядя [Н.Л. Марков], как старший, стал именоваться Марковым 1-м, а его племянник [Н.Е. Марков] — Марковым 2-м» (с. 115). Однако такая традиция существовала в правительственном аппарате, в Думе же присвоение депутатам-однофамильцам (включая родственников) номеров до этого случая не практиковалось. Явной модернизацией для 1911 г. представляется выражение «полковник МВД» (с. 274),

тогда как в Российской империи все офицеры и генералы, в каком бы министерстве они ни служили, числились по военному ведомству. П. фон Гинденбург в 1918 г. имел чин не генерала (с. 438), а генерал-фельдмаршала. Р. Пуанкаре в 1922 г. являлся уже не президентом Франции (с. 496), а председателем Совета министров и министром иностранных дел. Граф Д.А. Толстой руководил учебным ведомством в 1866–1880 гг., а не «в царствование Александра III» (с. 209).

Разумеется, эти недостатки не умаляют научной ценности работы, которая внесла значительный вклад в историческую науку, обогатив её полной и объективной биографией видного общественно-политического деятеля начала XX в.

Александр Репников

Н.Е. Марков и его борьба*

Aleksandr Repnikov

(All-Russian Scientific and Research Institute for Record and Archives Management, Moscow)

N.E. Markov and his struggle

DOI: 10.31857/S2949124X24030176, EDN: GCGKJS

Доктор исторических наук А.А. Иванов продолжает изучать судьбы скандально известных черносотенцев, заседавших в Государственной думе. Логичным продолжением двух изданий биографии В.М. Пуришкевича¹ стала монография о Н.Е. Маркове, также прославившемся яркими выступлениями, эпатажем и непримиримостью ко всему революционному. После 1917 г. он принял деятельное участие в Гражданской войне, затем играл видную роль в кругах правой эмиграции,

всё более убеждаясь в связи революционного движения с «заговором» евреев и масонов, сотрудничал с нацистами и приветствовал их нападение на СССР. Его жизнь завершилась 22 апреля 1945 г. на руинах Третьего рейха в Висбадене (город к тому времени уже заняли американские войска).

В книге Иванова нет апологии взглядов и личности «вождя чёрной реакции», но чувствуется желание понять его жизненный путь и заполнить «белые пятна» с помощью

* *Иванов А.А. Вождь чёрной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб.: Владимир Даль, 2023. 639 с.*

новых источников, извлекаемых из российских и зарубежных архивов и подшивок полузабытых газет. Есть в этом и потребность в исторической справедливости. Всё же, как отмечает автор, «крови на руках Маркова не было... он не организовывал еврейских погромов, нет доказательств его причастности к каким-либо политическим убийствам, он не проливал кровь своих соотечественников на полях сражений, не отдавал преступных приказов, не принимал участия в карательной политике нацистов... едва ли правый политик совершил в своей жизни больше зла, чем это сделали революционные террористы или организаторы большевистского террора, однако до сих пор имя Маркова более одиозно, чем, например, имена Савинкова или Троцкого» (с. 625). Впрочем, поклонникам «войны тёмных сил» и любителям «теории заговора» эта книга покажется слишком скучной, особенно по сравнению с перепечатками текстов самого Маркова, в которых после первой, сильно сокращённой книжки, вышедшей в издательстве «Москвитянин», давно уже нет недостатка².

В 1947 г. «Русская мысль», запоздало откликаясь на смерть Маркова, писала, что из жизни «ушёл один из видных представителей русской монархической мысли» (с. 622). Однако книга Иванова как раз опровергает это утверждение. Представителями монархической *мысли* являлись такие современники Н.Е. Маркова, как Н.П. Аксаков, А.А. Киреев, А.С. Суворин, Л.А. Тихомиров, С.Ф. Шаляпов и др. На фоне их сочинений публицистика Маркова (а также А.И. Дубровина, В.М. Пуришкевича и проч.) выглядит, скорее, как оскудение и примитивизация правых идей. Марковские рассуждения о масонстве и его антисемитизм, лишь усиливавшиеся по мере старения и разорения

политика, вторичны даже для подобного рода литературы. Какой-нибудь Г.В. Шварц-Бостунич с его оккультными изысками, пожалуй, более «оригинален».

Марков-практик гораздо интереснее. До революции его деловые качества и, в частности, умение добиваться финансовой поддержки от правительства вызывали осуждение, в том числе и среди черносотенцев (например, у Б.В. Никольского). В этом усматривалось проявление зависимости от Департамента полиции, унижавшее правое движение. Хотя сам Марков в письме к председателю Думы М.В. Родзянко настаивал на своей полной самостоятельности. Сейчас подобные претензии кажутся странными. Ведь царская власть не только могла, но и *должна была* укреплять монархические партии, поскольку любой режим (авторитарный, советский, демократический, олигархический) в первую очередь поддерживает не противников, а *своих*.

Так или иначе, после разгрома правых в февральско-мартовские («отреченные») дни 1917 г.³ Марков один из немногих продолжал бороться как мог, проявляя личное мужество и изобретательность. Черносотенные партии и издания были запрещены, «большинство монархических организаций Петрограда подверглись настоящему погрому, а их лидеры — арестам» (с. 408). Громя особняк, где располагался Главный совет Союза русского народа, торжествующие победители через разбитые окна выбрасывали монархические брошюры, воззвания и портреты и жгли «эти вредные листки» на костре, разведённом на улице (с. 409). На фоне возможной физической расправы совсем невинно звучала просьба прихожан Михайло-Архангельского храма удалить Маркова с должности церковного старосты «как черносотенника

старого правительства» (с. 411). При аресте ему, помимо прочего, вменялась в вину «подготовка преступных элементов, устраивающих покушения на известных политических деятелей» (с. 415). Такое обвинение выглядело особенно пикантно, поскольку отслеживала Николая Евгеньевича группа под руководством эсеровского боевика И.И. Голощапова⁴.

На допросах в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Марков «держался спокойно, вёл себя смело и порой даже вызывающе» (с. 416), и в результате был освобождён. Его ждала нелегальная жизнь в Петрограде, поездки в Москву, череда приключений («скрываясь от преследования, пришлось просидеть ночь в реке под Сестрорецком»). Наблюдая за крахом Временного правительства и действиями большевиков, захвативших власть, черносотенец одобрил разгон Учредительного собрания и констатировал, что свою долю вины за падение самодержавия несёт политическая и военная элита Российской империи. Конечно, роль марковской организации в попытках спасения царской семьи и в антисоветском подполье в годы Гражданской войны, а также возможные контакты Маркова летом 1918 г. с патриархом Тихоном (с. 437) требуют новых исследований. Пока они изложены только широкими мазками, без необходимой детализации, но с обширными цитатами из ранее неизвестной марковской публицистики в газете «Белый крест». Заслуживает внимания и участь родственников Николая Евгеньевича, в частности, его дочери Л.Н. Марковой (в замужестве Шишеловой), расстрелянной 30 декабря 1937 г. Как утверждает Е.Л. Мороз, она была «одной из самых преданных учениц» оккультиста А.В. Барченко⁵. Однако в опубликованных А.Л. Никитиным материалах

следственных дел информации о ней нет.

Деятельность Маркова за границей очерчена в четырёх главах книги, одна из которых справедливо названа «Эмигрантские склоки». Перед читателем проходят «Союз верных», Рейхенгалльский съезд, Высший монархический совет, Второй монархический съезд в Париже, великие князья Николай Николаевич, Кирилл Владимирович и Владимир Кириллович, конфликты Маркова с бароном П.Н. Врангелем и РОВС, столкновения с либералами, естественно, на дух не переносившими черносотенца (к примеру, Н.А. Бердяев буквально не желал стоять с ним рядом в одной церкви (с. 478)), ложные обвинения в причастности к покушению на П.Н. Милюкова, в результате которого погиб В.Д. Набоков (с. 471–474), бесплодные попытки объединить монархистов, тогда как они всё больше разъединялись, наконец, события, связанные с чекистской операцией «Трест» (с. 483–491, 555–556). Ожидания «весеннего похода» в СССР высмеивались уже в самой эмиграции, а Марков по-прежнему надеялся на «скорый поход против Москвы» (с. 535).

Во всяком случае, с евразийцами, новопоколенцами, младороссами и тем более сменовеховцами ему точно было не по пути⁶. Его симпатии к фашизму и нацизму тщательно проанализированы в книге. Однако те нюансы, которые Марков высказывал в частных письмах, в его публикациях отсутствовали. В огне Второй мировой войны никого не интересовало то, что он видел в национал-социализме «лишь меньшее зло по сравнению с коммунизмом и демократией, но отнюдь не желанный для него идеал» (с. 593). Время требовало чёткого определения позиции, и фразы о том, что «Марков сблизился с германскими нацистами,

но не превратился в слепого последователя Гитлера» (с. 597), ничего не меняют. Нападение на СССР и начавшуюся войну Николай Евгеньевич приветствовал. Как приветствовал её и Д.С. Мережковский, выступивший по радио с речью «Большевизм и человечество». Некоторое время позитивно отзывался о Гитлере И.С. Шмелёв. Через симпатии к фашизму прошёл И.А. Ильин. Все они тоже не были «слепыми последователями», но... первичная ненависть к большевизму логически привела их на этот путь. Ведь если большевизм для них — абсолютное зло, то *любой* борец с ним становится злом меньшим.

Примечания

¹ Иванов А.А. Владимир Пуришкевич. Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011; Иванов А.А. Пламенный

реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб., 2020.

² Марков Н.Е. Войны тёмных сил. М., 1993; Марков Н.Е. Войны тёмных сил. Статьи 1921–1937 / Сост. М.Б. Смолин. М., 2008; Марков Н.Е. Думские речи. Войны тёмных сил / Сост. Д.И. Стогов. М., 2011.

³ Марков Н.Е. Отреченные дни Февральской революции 1917 года. Харбин, 1938.

⁴ Подробнее см.: Квасов О.Н. Террористический компонент социально-политических процессов в Курской губернии начала XX века // *Via in tempore*. История. Политология. 2011. № 19(114). Вып. 20. С. 169–170.

⁵ Как пишет историк, в 1918 г. А.В. Барченко посещал кружок оккультистов, который возглавлял Д.В. Бобровский (двоюродный брат Н.Е. Маркова), и якобы, что весьма сомнительно, именно там познакомился с Николаем Евгеньевичем и его дочерью (Мороз Е.Л. Коммунизм и еврейская магия: эпизод истории двадцатых годов // Нева. 2005. № 6. С. 175–193).

⁶ Подробнее см.: Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н.Е. Маркова в 1930-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 140–156.

Арсений Соколов

Масон Великого Востока народов России П.М. Макаров*

Arseny Sokolov

(The State Hermitage museum, Saint Petersburg, Russia)

The Mason of the Great East of the peoples of Russia P.M. Makarov

DOI: 10.31857/S2949124X24030189, EDN: GBXWWS

Монография П.Н. Гордеева на данный момент — единственное всестороннее исследование жизни и деятельности Павла Михайловича Макарова (1872–1922), ставшее итогом многолетнего поиска, анализа и обобщения разнообразных, как правило, отрывочных сведений, сохранившихся в архивных делах, в периодической печати и мемуаристике. Особый интерес представляют выявленные Гор-

деевым в Коллекции отдельных документов и мемуаров эмигрантов ГА РФ (ф. Р-5881) небольшие очерки Макарова о событиях 1917 г., в том числе о сопровождении царской семьи в Сибирь. Эти воспоминания опубликованы в качестве приложений к его биографии (с. 173–212).

Хотя в названии книги Макаров представлен как «гражданский инженер», и его профессиональным

* Гордеев П.Н. Гражданский инженер П.М. Макаров и его воспоминания о революции и царской семье. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 236 с., ил.